

А.В. Латышев

Работа политотделов в проверочно-фильтрационных (специальных) лагерях НКВД (январь 1942 – май 1945 года)

В статье на основе архивных материалов рассматриваются главные направления, цели и методы работы политических отделов фильтрационных лагерей на разных этапах войны.

Ключевые слова: фильтрация; фильтрационные лагеря; принудительный труд; НКВД; пропаганда; Великая Отечественная война.

Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД (ПФЛ, до 1945 года — спецлагеря) были созданы в начале 1942 года для проверки военнослужащих Красной армии, побывавших в плену или на оккупированной территории. Несмотря на рост числа исследований [6; 7; 9], работа ПФЛ все еще недостаточно изучена. Жесткий подход власти к «бывшим военнослужащим» часто связывается с политическим недоверием к ним, однако вопрос об идеологической подоплеке событий в историографии разработан слабо. Пока ему посвящена только одна статья [3].

Цель данного исследования — выяснить задачи, формы, содержание и результаты идеологической работы в ПФЛ. Вопрос актуален в связи с особым положением проверяемых. В большинстве своем они успешно проходили фильтрацию, но в ходе самой проверки имели неопределенный статус. Соответственно и пропаганда в ПФЛ имела особенности по сравнению с воинскими частями или лагерями ГУЛАГа. В конечном итоге рассмотрение политработы в ПФЛ должно дать новую информацию об отношении власти к бывшим военнопленным и окруженцам.

Непосредственно идеологической работой с контингентом занимались политические отделы ПФЛ, подчиненные политотделам Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ), позже — отдела специальных/проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР. Основу исследования составила документация этих организаций, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном военном архиве (РГВА) и Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО).

Прибывшие в ПФЛ в начале 1942 года военнослужащие не считали фильтрацию в лагере очевидной необходимостью. Они демонстрировали «нездоровые

настроения и необоснованное недовольство», рассматривая проверку за колючей проволокой как «незаслуженное наказание» [5: с. 161]. Для организации эффективной охраны не хватало ни кадров, ни оружия, поэтому удержать людей только силой было невозможно. Необходимость поддержания дисциплины и предотвращения побегов требовали от политотдельцев дать проверяемым ответ на вопрос о целях проверки.

Однако ответа не было. Занимавшиеся фильтрацией особые отделы ПФЛ получили предельно общие указания о ее задачах. Историки не располагают более детальными инструкциями, а доступная документация не позволяет предположить их наличие [8: с. 463–466]. Никаких официальных обвинений проверяемым не предъявлялось. Фильтрацией в ПФЛ занимались только особые отделы, а затем сменившие их управления контрразведки СМЕРШ. Остальной лагерный персонал никакого влияния на ход проверки не оказывал. Хозяйственная администрация, к которой относились и политотделы, не получила никаких разъяснений о конечной цели своей работы и существования сети ПФЛ.

Общеизвестны пропагандистские установки о недопустимости попадания советского солдата в плен. Но для обоснования проверки они были непригодны. Ведь в ПФЛ было много и никогда не бывших в плену «окруженцев». В послевоенном докладе начальника УПВИ И.А. Петрова фигурируют темы политзанятий, прямо не касавшиеся плена и окружения, но косвенно внушавшие чувство вины. Например, «Герои Красной армии — образец выполнения священного долга перед Родиной» и пр. (РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 136). Однако в низовых документах мы не встречаем и их. Подбор фильмов, книг, тем для бесед не позволяет говорить о внушении проверяемым чувства вины посредством осуждения плена или окружения. Политработники «давили на совесть», только когда в лагере оставалось небольшое количество контингента, «сомнительного», по мнению сотрудников особых отделов. В таких случаях политработа имела целью «добиться чистосердечного и искреннего признания в своих проступках у следователя. Нечестность, неискренность — тягчайшее преступление перед родиной» (РГВА. Ф. 3п. Оп. 4. Д. 36. Л. 46–52).

В остальное время внятного обоснования необходимости содержания проверяемых в лагере политотделы дать не могли. Им оставалось лишь подчеркивать конечность проверки. Так, в лагере № 150 устраивались торжественные митинги при отправке партий проверенных военнослужащих на фронт (РГВА. Ф. 3п. Оп. 4. Д. 27. Л. 33). В связи с этим можно рассматривать и поднятый, практически сразу после создания ПФЛ, вопрос о партийности проверяемых. Его решение должно было подчеркнуть временность их неопределенного статуса. Однако на инициативу создания партийной организации из проверяемых начальник УПВИ отреагировал раздраженно: «Такую организацию запретить» (РГВА. Ф. 3п. Оп. 4. Д. 27. Л. 6–8).

Разрешению вопроса о партийности мешала общая идеологическая обстановка. В массовом сознании плен считался проступком, равно как и любое другое временное прекращение вооруженной борьбы. Радикальные лозунги начала войны («Воин Красной Армии в плен не сдается» [1: с. 18, 37–39])

укрепляли стереотипы. Отсутствие у отдельного проверяемого чувства вины лишь усиливало психологическое давление — осознание собственной невиновности не мешало подозревать в измене соседей по лагерным нарам. Так, атмосферу в Гороховецком спецлагере в тот период один из проверяемых назвал «очень тяжелой и довольно зловещей» [2].

Неизбежным следствием стали самоубийства, нарушения дисциплины и рост апатии. Ответом политотделов стала активная борьба за «здоровое настроение» контингента. Главным здесь было не сделать хуже. Беседы и лекции готовились на основе статей периодики, требовавших отбора. Так, материалы о борьбе до последней капли крови предполагали, что героическая смерть является единственной альтернативой плену [10: р. 236, 237, 270]. В литературных произведениях плен открыто стигматизировался («Наука ненависти» М.А. Шолохова, «Радуга» В.Л. Василевской, «Семья Тараса» Б.Л. Горбатого). Темы докладов и бесед в ПФЛ говорят о том, что политотделы старались не использовать сюжеты, прямо или косвенно связанные с пленом и окружением.

Инструментом компенсации нездорового морального климата была культурно-массовая работа. Политотделы организовывали среди проверяемых кружки, спортивные соревнования, концерты художественной самодеятельности. В каждом лагере имелась библиотека. С проверяемыми проводились ежедневные беседы и лекции, вещало радио, показывались кинокартины. Передовицы газет зачитывались проходившими проверку политработниками. Вовлечение проверяемых в советское информационное поле происходило безболезненно. Они не выказывали «антисоветских настроений», не «восхваляли немецкое оружие» и не задавали неудобных вопросов. Проще говоря, не были «отравлены немецкой пропагандой». Встречающиеся в отчетах фразы о некой идеологической перековке подпавших под вражеское влияние носят, очевидно, ритуальный характер.

Одним из требований к политорганам было исключение в общении лагерного персонала с проверяемыми «доверчивости и панибратства», особенно при конвоировании (РГВА. Ф. 3п. Оп. 4. Д. 27. Л. 24–26). На партийных собраниях активно порицалась «связь со спецконтингентом», чаще всего означавшая обмен одеждой, махоркой, продуктами. При этом одновременно не допускалось и некорректное обращение с «бывшими военными служащими»

Подобная двойственность в период развертывания сети ПФЛ в 1942 году была характерна для всей работы политотделов. Людей стремились ободрить, но не настолько, чтобы они сомневались в целесообразности их содержания в лагере. Проверяемых информировали о текущих событиях и идеологическом курсе, обходя тему плена и окружения. Им объясняли необходимость ограничения свободы, стремясь не вызвать чувство вины и обреченности.

Ситуация серьезно изменилась весной 1943 года с началом массового использования проверяемых в качестве рабочей силы на промышленных объектах. На этом этапе хозяйственная администрация ПФЛ обрела ясную цель — обеспечить рост производственных показателей. Политработе здесь отводилась ключевая роль, так как весь трудовой процесс зиждился на сознательности проверяемых. Репрессии в отношении отказников и лодырей

были признаны неэффективными. Так, наказание арестом отрывало рабочего от производства, поэтому в лагере № 0303 в большинстве случаев «ограничивались беседой с личным выговором» (ЦГАМО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 36. Л. 26 об.). Причиной либеральной политики во многих других ПФЛ было отсутствие помещений под карцер и гауптвахту. Поэтому политотделы в тесной кооперации с плановиками бились за трудовые показатели с помощью новых методов: пропаганды ударничества, организации соцсоревнований, досок почета стахановцев, вручения переходящих красных знамен и т. д. Тексты социалистических обязательств и вызовов на соревнования, равно как и речи проверяемых на митингах, готовились в лагерных политотделах.

Теперь от попавших в ПФЛ требовалось не просто смириться с проверкой в лагере, но и работать по 11 часов в сутки. Нехватка рабочей силы в стране привела к искусственному затягиванию фильтрации и содержанию в спецлагерях давно проверенных людей. Росло недовольство среди проводивших в ПФЛ год и более, зачастую безо всякого внимания к ним со стороны контрразведки. «Срок заключения никому не известен, а это не легче расстрела», — жаловался один из них (РГВА. Ф. 1п. Оп. 2и. Д. 82. Л. 7.). Если раньше из ПФЛ бежали к семьям, то теперь беглецы пытались попасть на фронт. В этих условиях от политотделов требовалось объяснить стремящимся на передовую отличие их труда от наказания, а самих проверяемых — от заключенных.

Но как удержать их в лагере, когда под Курском и на Днепре решается судьба страны? С одной стороны, проверяемым начинает внушаться чувство вины: «...спецконтингенту повседневно разъясняется, что прошлые ошибки они могут загладить только самоотверженным трудом по производству вооружения для Красной армии, что производственные показатели имеют для них решающее значение». Однако «прошлые ошибки» признавали далеко не все. Поэтому в пропаганде также активно подчеркивается идея о прямой связи труда в тылу с войной на фронте. Проверяемым разъяснялось, что «своей хорошей работой на производстве они активно участвуют в наступлении Красной армии». Непосредственное участие «спецконтингента» в уничтожении врага должна была обеспечить построенная на его средства боевая техника. В лагере № 0303 собирали деньги на самолет «Смерть Гитлеру», в № 240 — на танковую колонну «Возрождаемый Донбасс» (ЦГАМО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 6. Л. 15; Д. 38. Л. 29; ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 3. Ч. 1. Д. 53. Л. 4).

Эти меры имели результат: «повысилась сознательность рабочих, каждый стал понимать, что его труд на заводе — это также наступление на врага». Однако для надежности администрация принимала меры по приданию составу «спецконтингента» однородности. Злостных «лодырей» отправляли в «штрафную шахту», неудержимо стремившихся на фронт просили у начальства разрешения отправить в военкоматы (ЦГАМО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 40. Л. 17, 20–21 об.). В обоих случаях речь шла о небольших группах, выбытие которых можно было компенсировать за счет новой партии людей. Не решаемой на уровне отдельного лагеря проблемой были офицеры. Они имели право не работать и тем портили все производственные показатели. Вопрос

был решен радикально: с августа 1943 года приказом наркома обороны из них создавались отдельные штурмовые стрелковые батальоны для использования «на наиболее активных участках фронта» [4: с. 421–424].

Основная же масса проверяемых попала в ПФЛ надолго. Их неопределенный социальный статус не лучшим образом сказывался на настроениях, а значит, и на производительности труда. Не могло не вызвать вопросов о дальнейшей судьбе соседство с начавшими поступать в ПФЛ коллаборационистами. Вопрос о статусе остро стоял и при контактах с вольнонаемными рабочими. От политотделов требовалось как-то обозначить социальное положение, занимаемое «бывшими военнослужащими».

Для пограничного состояния проверяемых в ПФЛ № 0303 было введено обозначение «рабочие-военнослужащие». Его внедрение должно было также окончательно отделить содержащихся в ПФЛ от вооруженных сил. Это подчеркивалось в первомаяской речи одного из проверяемых: «Красная армия вызволила нас из фашистской неволи, и мы ей обязаны. Мы должны помогать Красной армии» (ЦГАМО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 40. Л. 49 об.). Одновременно не прекращались попытки, к началу 1944 года увенчавшиеся успехом, решить вопрос о восстановлении содержащихся в ПФЛ в партии. Причем партийные комиссии в ходе своей работы оказывали помощь СМЕРШу в фильтрации, выясняя обстоятельства утраты партийных документов (ГАРФ. Ф. Р–9408. Оп. 1. Д. 11. Л. 17). Характерно, что прошедшие такую двойную проверку включались в парторганизации не лагерей, а производственных объектов.

По мере того как грань между «рабочими-военнослужащими» и вольнонаемными рабочими стремительно стиралась, всё острее воспринимались режимные ограничения. Больше всего уже проверенных, особенно стахановцев, огорчало наличие конвоя. В Подольском ПФЛ № 174 «отдельные бывшие военнослужащие прямо ставят вопрос, если меня считают виновным, пусть судят, а не чувствуя за собой никакой вины — я не хочу под конвоем работать и жить» (ЦГАМО. Ф. 4611. Оп. 6. Д. 5. Л. 27). В борьбе за здоровый настрой политотделы при активной поддержке хозорганов добивались расконвоирования самых усердных тружеников и предоставления им отпусков (ЦГАМО. Ф. 4616. Оп. 1. Д. 6. Л. 16; Д. 13. Л. 158). Центр санкционировал послабления для небольших групп, но отвергал идущие снизу предложения превратить эти исключения в общее правило. Внимание политотделов к вопросам режима объясняется невозможностью далее поддерживать здоровый дух в среде проверяемых с помощью культурно-массовой работы. Тяжелый труд не оставлял на нее времени и сил.

Итак, деятельность политических отделов ПФЛ по идеологическому обслуживанию проверяемых военнослужащих хронологически может быть разделена на два этапа. Первый охватывает период с 1942 до весны 1943 года. В течение него главной целью политработы было обоснование необходимости проверки военнослужащих в лагере. В связи с этим ставилась задача поддержания здорового морального состояния проверяемых, регламентировались отношения между ними и персоналом лагерей. По форме деятельность политотделов слабо отличалась от политработы в воинских частях. Специфичным было ее содержание — темы

плена и окружения не затрагивались. Результаты идеологического воздействия на этом этапе противоречивы. С одной стороны, удалось не допустить массовых побегов, с другой — ответ на вопрос о необходимости проверки не был дан.

Второй этап работы политотделов в ПФЛ начинается весной 1943-го и заканчивается весной 1945 года. Главной целью идеологического воздействия стало обоснование не только фильтрации, но и трудового использования проверяемых. В связи с этим меняется содержание пропаганды: проверяемым начинает внушаться чувство вины, искупить которую можно только через труд. Формы политработы также приобретают «производственный» характер. Итогом идеологической работы на этом этапе стал добросовестный труд основной массы проверяемых. Производительность труда, по официальным отчетам, неуклонно росла, а наркоматы выстраивались в очередь на получение хотя бы нескольких сотен «человек спецконтингента».

В итоге, рассмотрение идеологической работы в 1942–1945 годах не позволяет говорить о выражении к попавшим в спецлагеря политического недоверия. Отношение власти к «бывшим военнослужащим», судя по направленной на них пропаганде, было прагматично-утилитарным. Отсутствие указаний центра о ведении политработы позволяет предположить, что она в значительной степени была отдана на откуп политотделам отдельных лагерей. Характер идеологического воздействия изначально определялся задачами режима, проверки и трудового использования в ПФЛ. Однако особый, неопределенный статус проверяемых и нехватка ресурсов для организации строгого режима привели к тому, что политработа стала самостоятельным фактором жизни ПФЛ. Без идеологического воздействия были невозможны ни поддержание дисциплины на первом этапе, ни рост производственных показателей на втором. Таким образом, политотделы играли во многом определяющую роль в обеспечении функционирования спецлагерей.

Литература

1. Великая Отечественная. Т. 17–6 (1–2). Главные политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Терра, 1996. 586 с.
2. Воспоминания Эммануила Иосифовича Фридмана. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/fridman-emmanuil-iosifovich> (дата обращения: 24.02.2015).
3. Гаевская Ж.Ю. Влияние идеологического фактора на эффективность выполняемых спецконтингентом работ по восстановлению Сталинграда // Ключевские чтения – 2011. Т. 1. М.: Спутник+, 2011. С. 297–300.
4. Дембицкий Н.П. Плен — трагедия миллионов советских бойцов и командиров, 1941–1945 гг. М.: Изд-во Института современной экономики, 2010. 512 с.
5. Докладная записка о командировке в рязанские спецлагеря НКВД. 3 марта 1942 г. // Военно-исторический архив. 2004. № 1. С. 158–161.
6. Кузьминых А.Л., Старостин С.И. Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника // Российская история. 2010. № 3. С. 48–53.
7. Рябова А.В. Изучение проблемы «фильтрации» советских граждан в 1940–1950-е годы в отечественной историографии // Вестник Новосибирского государ-

ственного университета (НГУ). Серия: История. Филология. Новосибирск, 2008. Т. 7. Вып. 1. С. 193–197.

8. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. 1. Курск: Республика, 1999. 340 с.

9. *Шевченко В.В.* Власть и бывшие военнопленные в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 5. С. 26–30.

10. *Berkhoff Karel C.* Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II. London: Harvard University press, 2012. 406 p.

Literatura

1. Velikaya Otechestvennaya. T. 17–6 (1–2). Glavnye politicheskie organy Vooruzhenny'x Sil SSSR v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg. M.: Terra, 1996. 586 s.

2. Vospominaniya E'mmanuila Iosifovicha Fridmana. URL: <http://iremember.ru/memoirs/pekhotintsi/fridman-emmanuil-iosifovich> (data obrashheniya: 24.02.2015).

3. *Gaevskaya Zh.Yu.* Vliyanie ideologicheskogo faktora na e'ffektivnost' vy'polnyaemy'x speczkontingentom rabot po vosstanovleniyu Stalingrada // Klyuchevskie chteniya – 2011. T. 1. M.: Sputnik+, 2011. S. 297–300.

4. *Dembiczkiy N.P.* Plen — tragediya millionov sovetskix bojcov i komandirov, 1941–1945 gg. M.: Izd-vo Instituta sovremennoj e'konomiki, 2010. 512 s.

5. Dokladnaya zapiska o komandirovke v ryazanskie speczlagerya NKVD. 3 marta 1942 g. // Voенно-istoricheskij arxiv. 2004. № 1. S. 158–161.

6. *Kuz'miny'x A.L., Starostin S.I.* Speclagerya dlya by'vshix voennosluzhashhix Krasnoj armii, naxodivshixsya v plenu i okruzhenii protivnika // Rossijskaya istoriya. 2010. № 3. S. 48–53.

7. *Ryabova A.V.* Izuchenie problemy' «fil'tracii» sovetskix grazhdan v 1940–1950-e gody' v otechestvennoj istoriografii // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (NGU). Seriya: Istoriya. Filologiya. Novosibirsk, 2008. T. 7. Вып. 1. S. 193–197.

8. Sbornik zakonodatel'ny'x i normativny'x aktov o repressiyax i reabilitacii zhertv politicheskix repressij. Ch. 1. Kursk: Respublika, 1999. 340 s.

9. *Shevchenko V.V.* Vlast' i by'vshie voennoplenny'e v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2009. № 5. S. 26–30.

10. *Berkhoff Karel C.* Motherland in Danger: Soviet Propaganda during World War II. London: Harvard University press, 2012. 406 p.

A.V. Latyshev

Political Departments' Activity in NKVD's Screening-Filtration (Special) Camps (January 1942 – May 1945)

In this article on the basis of archival materials the main directions, goals and methods of work of the political departments of filtration camps at different stages of the war are considered.

Keywords: filtration; filtration camps; forced labour; NKVD; propaganda; the Great Patriotic war.